

П.Н. Рудяков

Литературное творчество Т. Шевченко в славянских рецепциях и интерпретациях

Аннотация: В статье сделан обзор рецепции литературного творчества Т. Шевченко в славянских странах и у славянских народов, начиная с самых первых его шагов в 1840–1860-е гг. и заканчивая годом 200-летнего юбилея поэта. Предложен перечень основных интерпретаций этого творчества и личности Кобзаря, бытующих в Украине и в славянском мире.

Ключевые слова: Т. Шевченко, творчество, славянский мир, рецепция, интерпретация

Abstract: The article provides an overview of the reception of literary creativity Shevchenko in the Slavic countries and the Slavic peoples, starting with the earliest steps in 1840–1860-ies and ending year of the 200th anniversary of the poet. Proposed a list of the main interpretations of this work and personality Bard, prevailing in Ukraine and in the Slavic world.

Key words: Shevchenko, creativity, the Slavic world, reception, interpretation

Литературное творчество выдающегося украинского поэта, художника, мыслителя Тараса Шевченко известно славянам давно, хорошо, с достаточной полнотой. Это, собственно говоря, вполне логично и естественно, принимая во внимание то обстоятельство, что именно славянскую культурно-языковую среду следовало бы признать по всем статьям наиболее подходящей для его – творчества – восприятия и понимания. Для глубоко национального по своей эмоционально-знаковой природе и отличительным чертам стилистического свойства, общечеловеческого по содержательным параметрам словесного искусства Т. Шевченко славянский контекст всегда был и остается наиболее близким, родственным, приемлемым. Если отталкиваться от широкого и всеобъемлющего толкования понятия «рецепция» как «восприятие», включающего в себя и такой компонент, как «знакомство», можно будет с полным правом констатировать, что рецепция литературного творчества Кобзаря в славянском мире началась и набрала ход при его жизни. В культурном наследии каждого из славянских народов сложилась в процессе исторического движения, существует и развивается в настоящее время

своя собственная богатая, устойчивая традиция восприятия его произведений. У большинства из них эта традиция до сегодняшнего дня продолжает оставаться живой и плодотворной, что нашло свое новое подтверждение в год ознаменования 200-летнего юбилея.

К знакомству славян, – в том числе зарубежных, тех, что не были подданными государства Российского, – с произведениями украинского поэта приложили руку многие личности прошлого, как известные, так и не очень. Одним из первых среди них был герой монографии Л.П. Лаптевой «Два века славяноведения в России» и посвященного лично ему одному исследования болгарской славистки Л. Минковой «Осип Максимович Бодянский и болгарское возрождение» – Осип Бодянский. Именно он, профессор Московского университета, основатель и первый руководитель кафедры славянской филологии в МГУ, этнический украинец, выходец с Полтавщины, выпускник Переяславской духовной академии и Московского университета, в 1844 г. послал через П.И. Шафарика С. Вразу в Хорватию несколько произведений Т. Шевченко. Экземпляр «Гамалии» с посвящением Бодянского – Вразу хранится ныне в загребской университетской библиотеке [1: 21].

Первые сведения и упоминания о Т. Шевченко у славян датируются 1840-ми гг., т. е. временем, когда творческий гений поэта продолжал набирать обороты, давая все новые и новые яркие и сочные плоды. В течение этого периода появляются первые упоминания о Т. Шевченко, рецензии на его произведения, отклики на них. В своей совокупности они уже тогда позволяли составить определенное, достаточно четкое и адекватное впечатление о нем самом, о его литературном творчестве, а также о возможном месте новой звезды украинской и славянской поэзии в литературном процессе России и Европы. Поток печатных оценок и развернутых отзывов в прессе по причинам внелитературного свойства был на некоторое прерван на время ссылки поэта, чтобы после ее окончания возобновиться с новой силой и интенсивностью.

Переводы произведений Т. Шевченко на языки славянских народов начинают появляться в середине 1850-х гг. Сначала это происходит на русском языке, затем – на польском, чуть позже – на остальных славянских, включая болгарский, сербский, хорватский, чешский и др. Авторы исследования «Украинская литература в общеславянском и мировом литературном контексте» отмечают, что «первые русские переводы произведений великого поэта были напечатаны в 1856 г., когда Шевченко еще находился в ссылке». После его возвращения в Петербург, одновременно с украинским «Кобзарем» выходит «Кобзарь»... в переводе русских поэтов... под редакцией Ник.Вас. Гербея» (в нем были помещены переводы А. Плещеева, Н. Курочкина, самого Н. Гербея и др.) [2: 154].

Что касается восприятия литературного творчества Т. Шевченко в России и русской культурой, тут, как представляется, ни в коем случае нельзя забывать о том, что в 1830-е гг. разграничения русской и украинской («малороссийской») литератур по языковому признаку еще не существовало. И. Котля-

ревский и Н. Гоголь, к примеру, воспринимались в рамках общерусской культуры как представители одного из ее региональных вариантов и, насколько известно, только А. Стороженко в рецензии 1832 г. на «Вечера на хуторе близ Диканьки» решительно настаивал на принадлежности этих двух писателей к разным литературам. Заслуга Т. Шевченко, кроме всего прочего, состоит еще и в том, что именно появление его «Кобзаря» (1840) и «Гайдамаков» (1841) способствовало признанию в России того факта, что «малороссийская литература» как отдельный феномен существует (в каких хронологических рамках и пространственных границах – это отдельный вопрос) и может представлять интерес для русской читающей публики, часть которой способна, в принципе, понимать ее без перевода, на том языке, на котором она создается.

Вторым славянским языком после русского, на котором увидели свет переводы произведений Т. Шевченко, был польский. Эпизодические упоминания о Кобзаре начали появляться в польской прессе еще в 1840-е гг., с начала 1850-х их количество неуклонно увеличивалось, а качество росло. С конца 1850-х внимание польской литературной общественности к украинскому поэту значительно усиливается, что объяснялось, с одной стороны, притягательной силой его собственного творчества, с другой – ростом интереса поляков к украинской литературе в целом. Первоначальный взгляд польской прогрессивной молодежи на Шевченко и его творчество ярко и наглядно отображен в публикации Леонарда Совиньского, единственного на то время переводчика на польский язык полного текста поэмы «Гайдамаки». В 1860 г. в статье «Исследования по украинской современной литературе» он писал: «С неоправданным равнодушием мы отворачиваемся от братского нам русинского племени, даже не догадываясь, что в его словах проявила себе польская душа...» [3: 156].

Почти в то же самое время, что и в Польше, Шевченко узнают в Чехии. Эпизодические сведения о нем и о его произведениях встречаются еще в 1840-е гг., в 1850-е возникает настоящий, живой интерес, еще более усиливающийся после издания на чешском языке «Кобзаря» в 1860 г. Сразу же после выхода этой книги в свет чешский писатель Вацлав Дундер публикует в газете «Пражские новости» статью «Русинская литература», в которой значительное внимание уделяет Шевченко. В том же 1860-м со статьей о Кобзаре выступил в то время студент Карлового университета в Праге, а впоследствии профессор Варшавского университета, известный славист Йозеф Первольф. Именно этому ученому мы обязаны первым сравнением Шевченко с Кольцовым и Бернсом, которых он характеризовал как «поэтов народных», понимающих «потребности, горе и радости национальные». Первый текст Шевченко на чешском датирован 1863 г.

С течением времени переводческая деятельность, связанная с Шевченко, у славян набирает обороты, достигая, по крайней мере в количественном смысле, апогея в 1887 г., когда у хорватов появляется первое для всего сла-

вянского мира, кроме, естественно, России, книжное издание его произведений: А. Харамбашич издает в своих переводах сборник поэм поэта, куда входят «Катерина», «Невольник», «Неофиты», «Гайдамаки» и др. Кстати, к 200-летию Кобзаря новый отдельный сборник его произведений издали тоже хорваты: «Матица Хорватская» в переводах А. Менац.

У южных славян, в частности югославян, знакомство с Шевченко и его произведениями начинается практически одновременно – в 1860-е гг. У сербов – в 1868-м, когда в 12-м номере журнала «Вила» появляются первые переводы на сербский язык и статья С. Новаковича, у словенцев – в 1860-м, когда имя Шевченко упоминается в обзорной статье «Русинская литература» в журнале «Slovenski glasnik», у хорватов – в 1863-м, когда в журнале «Nase gore list» публикуется перевод стихотворения «Разрытая могила», у болгар – в 1863-м, когда свои переводы из Шевченко опубликовал Райко Жинзифов.

В ходе проникновения произведений Т. Шевченко в славянские страны и к славянским народам в течение XIX–XX вв. отчетливо прослеживаются периоды активизации и, наоборот, некоторого торможения, может быть, даже определенного спада. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что есть основания вести речь о феномене, который мог бы быть обозначен как «рецептивные волны» и который достаточно хорошо известен в системе межлитературных связей. После периода активного, заинтересованного знакомства с литературным творчеством Т. Шевченко и с ним как поэтом, охватывающего практически весь XIX в., на рубеже XIX и XX вв. наступает затишье, в значительной мере обусловленное, думается, утверждением в славянских литературах модернизма и связанной с этим фактом решительной сменой векторов и приоритетов в системах двух- и многосторонних литературных связей. Оно прерывается новым оживлением внимания и интереса, связанным с празднованием 100-летнего юбилея Кобзаря в 1914 г., после которого следует еще одно затишье, охватывающее 1920–1940-е и даже, может быть, 1950-е гг. Затем – новый всплеск в 1960-е, когда подряд, одна за другой, с небольшим временным интервалом отмечаются сразу две связанные с Кобзарем памятные даты: 100-летие со дня его смерти в 1961 г. и 150-летие со дня рождения в 1964-м. Фактический материал, на основе которого автор позволяет себе делать подобные выводы, собран и описан в упомянутом выше издании «Украинская литература в общеславянском и мировом литературном контексте», в целом ряде опубликованных ранее исследований более частного характера, а также, – если говорить о более свежих по времени их публикации трудах, – в сборнике статей «Шевченковедение в современном мире», подготовленном в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко в этом году, к 200-летию великого поэта [4].

В последнем, среди прочего, присутствует вполне, на наш взгляд, закономерно и обоснованно выделенный специально раздел «Шевченковедение в славянском мире». Заголовок, пожалуй, в данном случае, как, впрочем, и название всей книги, не вполне соответствует содержанию: авторы ведут речь

не только о «шевченковедении», т.е. о научном, литературно-критическом осмыслении творчества Шевченко, но и о «шевченкиане» или, иначе говоря, о переводах его произведений на другие языки. Важно, однако, не это, а то, что в этом разделе с максимально возможной на сегодняшний день полнотой освещен вопрос о рецепции творчества Кобзаря в славянских странах, в частности – о переводах его произведений на славянские языки. Особый интерес тут представляют, думается, материалы последнего времени, т.е. рубежа XX–XXI вв. Такие, к примеру, как «Избранные стихотворения Т. Шевченко» по-польски (Вроцлав, 1974), о которых пишет Р. Радышевский, «Кобзарь» по-сербски (Новый Сад, 2006), о котором упоминают Л. Стеблина и Л. Петровская, «Украинская лирика» по-хорватски (Загреб, 1998), на которую обращает внимание Е. Деркач и др. [5: 50, 97–98, 116].

Интерпретация творчества Кобзаря у славян, если под этим понятием понимать толкование текстов, начинается практически одновременно с рецепцией и в дальнейшем идет параллельно с ней. Прямой зависимости первой от второй, правда, не наблюдается, однако определенная связь между ними, безусловно, существует. По мере того как шаг за шагом, перевод за переводом, статья за статьей накапливается фактический материал, связанный с рецепцией литературного творчества Т. Шевченко у славян, постепенно углубляется толкование его поэзии и его личности в их восприятии. Оно приобретает новые краски и оттенки, дополняясь новыми чертами и особенностями, но при этом оставаясь, в целом, в рамках, обозначенных и закрепленных в первые годы знакомства.

Рецептивный и интерпретативный дискурсы, обладая некоторыми сходными параметрами, в отдельных случаях даже демонстрируя способность в чем-то взаимодействовать, переплетаться друг с другом, все-таки представляют собой различные явления. Первый сориентирован на «чистое» перенесение произведений одной национальной литературы, рецензий на них, отзывов, упоминаний, оценок в среду другой литературы, если, конечно, допустить, что подобная «чистота» возможна. Второй отдает предпочтение не столько оперированию конкретными образцами другой литературы, сколько обращению к ее Образу или образам, к ее восприятию как определенной целостности качественно нового, отличного от всего остального уровня. Рецепция имеет дело с конкретными фактами, не выходя за рамки конкретики, она собирает факты, которые, накапливаясь, складываются в определенную совокупность, в то время как интерпретация направлена на обнаружение глубинных культурных, литературных структур, на понимание природы конкретики, движущих сил, обеспечивающих длительность межлитературных связей, а также их преемственность.

Поначалу восприятие Т. Шевченко носило общий характер практически для всех славянских народов: народный поэт, голос своего народа (сначала – «бесправного», «униженного», позже – «разгневанного»), уникальный продолжатель фольклорных традиций, как по форме, так и по содержанию. С течением времени взгляд существенно меняется, расширяясь, углубляясь, приобретая новые, иногда весьма неожиданные, черты и оттенки. В этом, в принципе, нет ничего ни удивительного, ни экстраординарного: единственно правильной интерпретации литературного произведения или творчества писателя в целом не бывает и быть не может, интерпретационная деятельность пусть не безгранична, ограничена определенным диапазоном допустимого, но все равно множественна, предполагает изменчивость, вариативность. Общим для славянского восприятия Шевченко можно считать постепенный перенос акцентов с собственно художественного, эстетического уровня на уровень культурологический, идеологический, общественно-политический. Впрочем, степень такого переосмысления у разных славянских народов оказалась разной. В начале XX в. Т. Шевченко, например, открылся по-новому, благодаря психоаналитической интерпретации его творчества и творческой личности. В конце 1980-х, кроме всего прочего, появились неожиданные трактовки; например, толкование Кобзаря как «мифотворца», предложенное в монографии Григория-Джорджа Грабовича. К 200-летию юбилею поэта возникли и вовсе индивидуальные, чтобы не сказать – экзотические: Шевченко – «Иисус Христос» (Д. Степовик), Шевченко – «профессор украинской нации» (М. Наенко).

«В одном из энциклопедических изданий в США (“Словарь Ноя Вебстера”) Тарас Шевченко назван профессором Киевского университета, – пишет М. Наенко. – В буквальном понимании – это не точно, но в духовном – более чем точно... В Киевском университете... он работал, хотя и не занимал должность профессора; ему, однако, суждено было стать профессором всего украинского народа. И не только украинского» [5: 438].

Д. Степовик написал книгу под броским и ко многому обязывающим названием: «Наследуя Христа: Верующий в Бога Тарас Шевченко» («Наслідуючи Христа: Віруючий у Бога Тарас Шевченко»), где в фокусе разговора о «следовании-наследовании» оказывается возводимая в культ религиозность как самого поэта, так и его мировосприятия, мироощущения, образной системы. Усилия автора нацелены на то, чтобы максимально привлечь внимание именно к этой черте, представив ее как краеугольный камень шевченковского сознания и его поэтического мира. Под флагом с эскизно набросанным портретом Тараса, стилизованным под лик Христа, на авансцену выведены религиозно-церковные мотивы всего его творчества. Такое выведение, будучи, как представляется, откровенно натянутым, искусственным, не вычленимым из поэтических текстов и их контекстов, а привносимым в них, превращается в целенаправленное выпячивание. К извечной полемике о том, следует ли считать Т. Шевченко преимущественно национальным поэтом,

поэтом социальным – или же поэтом, прежде всего, индивидуальным, Д. Степовик, по сути, предлагает собственное дополнение, разрастающееся чуть ли не до своего рода опровержения. Если следовать предлагаемой им логике, то классик – поэт религиозный, а уж потом национальный, социальный, индивидуальный. И не просто религиозный в каноническом, классическом понимании этого определения, а связанный с религией, Богом, церковью столь крепкими узами, что сам становится частью их мира, претендуя на то, чтобы «наследовать Христа».

Вопрос о религиозности Т. Шевченко, ее глубине, силе, внешних проявлениях и их соответствии (или, наоборот, несоответствии, неполном соответствии истинному мировосприятию и мироощущению Кобзаря), не нов. Ему уделяли внимание и в советские, и в досоветские времена. Мнения высказывались разные, однако практически никто из предшественников автора книги «Наследуя Христа...», даже из числа тех, кому хотелось бы акцентировать религиозное начало у Шевченко, так и не увидел в творчестве поэта того, что разглядел в ней Д. Степовик. Хотя, к примеру, Ю. Шевелев двигался в том же направлении, придавая религиозному началу и религиозным мотивам в поэзии Тараса Григорьевича чрезмерное значение.

Концептуализация религиозного начала в творчестве Т. Шевченко в том виде, в каком ее предлагает автор названной интерпретации, представляется преувеличением. В своем отношении к Богу, к религии, к церкви и сам Тарас, и его лирический герой часто отнюдь не ревностные верующие, а, наоборот, личности, сомневающиеся – даже еретики. О каком уж тут «наследовании Христа» может идти речь, когда Тарас в дневниковой записи 29 июня 1857, например, пишет буквально следующее: «О, святые, великие, верховные апостолы (имеются в виду Петр и Павел, по старому стилю 29 июня это – День Петра и Павла. – *И.Б.*), если бы вы знали, как мы запачкали, как изуродовали провозглашенную вами простую, прекрасную, светлую истину. Вы предрекали лжеучителей, и ваше пророчество сбылось. Во имя святое, имя ваше так называемые учителя вселенские подрались, как пьяные мужики, на Никейском вселенском соборе» (см.: [6: 572–573]).

Абсолютизация одного элемента в ущерб другим в любом случае не способна дать положительного результата. В случае с Т. Шевченко и его мнимой сверхрелигиозностью, возводимой в абсолют, такой подход не просто лишен конструктивности – он вреден, потому что искажает и облик поэта, и многие составляющие его литературного наследия. Не менее дико с точки зрения научной корректности и исторической истины, даже как-то нелепо воспринимаются откровенно русофобские пассажи Д. Степовика, с помощью которых он тщетно пытается представить Тараса Шевченко не только новым украинским Иисусом Христом, но еще и отчаянным борцом против «московитской» (т. е., говоря нормальным языком, Русской православной, «Московской») церкви. Может быть, в таком взгляде и есть что-то эдакое, особенное, о чем не догадывался прежде никто, включая самого Кобза-

ря. Куда, однако же, в таком случае девать такие высказывания поэта, как, например: «Во имя ваше папы римские ворочали земным шаром и во имя ваше учредили инквизицию и ужасное автодафе»?

Из интерпретаций, на наш взгляд, заслуживающих гораздо больше заинтересованного внимания и серьезного предметного обсуждения, чем две упомянутые выше, следовало бы выделить следующие: «социальный поэт», «национальный поэт», «революционный поэт», «карнавальный поэт», «народнический поэт», «эротический поэт», «национальный гений», «мессия», «пророк», «апостол», «шаман», «экзистенциальный поэт», «кобзарь» и, наконец, «кобзарь Дармограй». Последнюю предложила Т. Гундорова в эссе, посвященном Т. Шевченко в его юбилейный – 200-й – год, отметив, среди прочего, что нынешние поколения украинцев, особенно молодое и юное, его не читают, не перечитывают и – не понимают. Он для них неактуален, старомоден, несозвучен с их миром, чужд им, их жизненным интересам и приоритетам (см.: [7]). В большой мере это утверждение верно и в отношении современных представителей славянских стран и народов.

Впрочем, в славянском мире или, по крайней мере, в большей части этого мира интерпретация творчества Т. Шевченко отличается от его интерпретации в Украине и в украинских диаспорах в различных странах, во-первых, относительным постоянством, устойчивостью, неподверженностью резким скачкам и колебаниям, во-вторых, заметно более зримой, прозрачной приверженностью к собственно эстетическим параметрам, сопровождаемой, к тому же, отказом от искусственного подтягивания Кобзаря к тем или иным новым веяниям и пертурбациям. В духовном и культурном пространстве современной Украины Тарас Шевченко в последнее время оказался в куда большей мере элементом исторического и даже политического процессов, чем процесса собственно литературного, к которому он принадлежит, что объясняется особенностями государственного строительства, формирования нового национального сознания, новой идентичности. В славянских странах, у славянских народов этого, по понятным причинам, не произошло. Для всех славян, кроме украинцев, Т. Шевченко остался писателем, гениальным, но – именно писателем. Для украинцев он превратился в национального гения, в символ всего самого дорогого и светлого. Ценой такого превращения оказалась заметное ослабление внимания к эстетической стороне его поэзии и литературного творчества в целом.

Обобщая накопленную в течение предыдущего периода в украинском шевченковедении и национальном сознании украинцев систему оценок и представлений, И. Дзюба справедливо указывает на то, что «для многих поколений украинцев Тарас Шевченко означает так много, что сама собой возникает иллюзия его повсеместного присутствия, всеобщей понятности и полнейшего знания о нем. Говорю: иллюзия, потому что до настоящей всеобщей понятности, настоящего повсеместного присутствия и полнейшего знания всегда было и всегда будет далеко» [8: 5]. Такого Шевченко ни славяне,

ни другие народы Европы и мира не знали, хотя вчитываться в строки его стихотворений и поэм, в пассажи его прозаических произведений в надежде понять нечто особенное, докопаться до квинтэссенции его художественного мира и творческого «я» не переставали никогда.

Литература

1. Рудяков П.М. Українсько-хорватські літературні взаємини в ХІХ–ХХ ст. Київ, Наукова думка, 1987. 135 с.
2. Українська література в загальнослов'янському і світовому літературному контексті. Т.І. Українська дожовтнева література і слов'янський світ / За ред. Г.Д. Вервеса. Київ: Наукова думка, 1987. 502 с.
3. Там же.
4. Шевченкознавство в сучасному світі: монографія / Н.Л. Білик, І.П. Бондаренко, Г.Г. Верба та ін. / За ред. І.П. Бондаренка, Л.В. Коломієць. Київ: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2014. 463 с.
5. Там же.
6. Цит. по: Дзюба І.М. Бог, релігія, церква в житті й творчості Шевченка // Дзюба І.М. Тарас Шевченко. Життя і творчість. 2-ге видання, доопрацьоване. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. 718 с.
7. Гундорова Т.І. Кобзар Дармограй і Шевченко в масці. Електронний ресурс www.pravda.com.ua. 8 березня 2014 р.
8. Дзюба І.М. Тарас Шевченко. Життя і творчість. Київ, 2008.

Сведения об авторе:
Павел Николаевич Рудяков,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Pavel N. Rud'akov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University